

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1-3(Грачев Р. И.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-183-193. ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,4.
ГРНТИ 17.01.13. Код ВАК 5.9.1

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВРЕМЯ РИДА ГРАЧЕВА (ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ: 1935–2004)»

Колесникова Е. И.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

SPIN-код: 4408-7508

А н н о т а ц и я. В обзоре представлены итоги Международной конференции «Время Риды Грачева. Памяти писателя (1935–2004)». Конференция проходила 22–23 октября 2024 года в Институте русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом) и была приурочена к двадцатилетию со дня смерти ленинградского писателя-«шестидесятника», в свое время высоко ценимого В. Пановой, И. Бродским, А. Битовым, Ф. Абрамовым, В. Аксеновым и др. К сожалению, из-за цензурных требований Грачев почти не издавался и к настоящему времени остается почти неизвестным. Восстановить место писателя среди представителей 1960-х годов, представить его идейно-эстетическое кредо в историческом контексте эпохи было целью научной встречи. В работе конференции приняли участие ученые, филологи-педагоги и литературные критики из Италии, Норвегии, Китая, США. Первое заседание конференции было посвящено уточнению биографии писателя и его семьи на основе архивных разысканий, а также анализу поэтики отдельных произведений, философско-эстетических аспектов его публицистики, описанию художественной картины мира. Также был представлен обзор архивного фонда Грачева, история его формирования. Целью второго заседания конференции было раскрыть тот сложный историко-литературный контекст, в котором писатель жил и работал. Предстояло рассмотреть важнейший этап русского литературного процесса XX века и ответить на вопросы: чем была литература «шестидесятников» – открытой оппозицией официозу соцреализма на совершенно новых основаниях или же наследницей лучших традиций классической литературы и модернизма? Продемонстрированные в докладах связи творчества Риды Грачева и его окружения с русской и западной культурой показали органическое соответствие неподцензурной литературы насущным этическим и эстетическим проблемам времени. Завершилась конференция представлением выставки рукописей, фотографий и рисунков Риды Грачева из фонда Рукописного отдела Пушкинского Дома.

К л ю ч е в ы е с л о в а: творчество Риды Грачева; поэтика; биография; литературный процесс; неподцензурная литература; архивные фонды

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01311, <https://rscf.ru/project/23-28-01311>.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Колесникова, Е. И. Хроника международной конференции «Время Риды Грачева (памяти писателя: 1935–2004)» / Е. И. Колесникова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 183–193. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-183-193.

INTERNATIONAL CONFERENCE “THE TIME OF RID GRACHEV (IN MEMORY OF THE WRITER: 1935–2004)”

Elena I. Kolesnikova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

A b s t r a c t. This review presents the results of the International Conference “The Time of Rid Grachev (In Memory of the Writer: 1935–2004)”. The conference took place on October 22–23 at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskiy Dom) and was timed to coincide with the twentieth anniversary of the death of the writer, a “man of the Sixties,” who was highly esteemed in his lifetime by Vera Panova, Joseph Brodsky, Andrei Bitov, Fyodor Abramov, Vasiliy Aksenov, and others. Unfortunately, because of the strictures of censorship, Grachev was barely published and has remained almost unknown up to the present. The goal of this scholarly gathering was to restore the writer’s place among the representatives of the 1960’s and to present his aesthetic and philosophical credo in the historical context of the epoch. Scholars, philologists, teachers, and literary critics from Italy, Norway, China and the United States took part in the work of the conference. The first session of the conference was devoted to clarification of the writer’s biography, and that of his family, on the basis of archival researches, as well as analyses of the poetics of individual works. The papers also discussed aesthetic and philosophical aspects of his journalistic writings and his artistic worldview. A survey of Grachev’s archive and the history of its formation was also presented. The purpose of the second session of

the conference was to reveal the complex literary and historical context in which the writer lived and worked. It was planned to examine this very important stage of the Russian literary process of the twentieth century in order to answer the question of whether the literature of the “sixties” openly opposed official socialist realism on completely new principles or whether it was an heir to the best traditions of classical literature and modernism. The connections between Rid Grachev’s creative works and those of the members of his milieu on the one hand and the products of Russian and Western culture on the other showed the organic correlation of uncensored literature with the essential ethical and aesthetic issues of the time. The conference concluded with a presentation of an exhibition of Rid Grachev’s manuscripts, photos, and drawings from the archives of the manuscript division of Pushkinskiy Dom.

Key words: creative activity of Rid Grachev; poetics; biography; literary process; uncensored literature; archival funds

Acknowledgements: The research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01311, <https://rscf.ru/project/23-28-01311>.

For citation: Kolesnikova, E. I. (2024). International Conference “The Time of Rid Grachev (In Memory of the Writer: 1935–2004)”. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 183–193. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-183-193.

22–23 октября 2024 г. в Пушкинском Доме (ИРЛИ) Российской Академии наук состоялась Международная научная конференция «Время Рида Грачева», посвященная памяти писателя (1935–2004).

Научная встреча открылась траурными словами Ю. В. Кругловой из Санкт-Петербурга в память только что ушедшей из жизни Валерии Николаевны Кузьминой (1940–2024), официального опекуна и хранителя архива Рида Грачева. Именно благодаря ее самоотверженной заботе о больном писателе и его рукописях были опубликованы наиболее полные сборники его произведений [Грачев 2013а; 2013б], а ученые сейчас могут вести научные исследования, знакомясь с его творчеством в полном объеме.

Программа состояла из раздела, посвященного непосредственно творчеству и биографии писателя, и раздела, где характеризовался историко-литературный контекст его времени. Предстояло дать оценку творчеству «шестидесятников» и понять, органично ли оно вытекало из предшествующих литературных традиций либо полностью им противостояло. На заявленную проблематику обратились российские исследователи из Петербурга, Москвы, Воронежа, Красноярска, Челябинской области; зарубежные ученые из Италии, Китая, Норвегии, США; а также литературные критики и друзья-современники писателя. Каждый из докладов открывал новую страницу в наследии Рида Грачева и демонстрировал грани литературной среды, в которой творил писатель.

22 октября, первое заседание: Творчество Рида Грачева

Первая часть конференции открылась докладом профессора из США Кэрол Юланд (Carol Ueland) (университет Дрю), где суммировалась творческая биография Рида Грачева – писателя, считавшегося в 1960-е одним из неформальных лидеров своего поколения, высоко оцененного такими авторами, как Иосиф Бродский и Андрей Битов, но впоследствии оказавшегося незаслуженно забытым. Исследовательница обозначила причины этой несправедливости, сыгравшей большую роль в несчастливой судьбе Грачева, в несоответствии его фигуры литературному процессу, но также в жизнетворческой позиции сиротства: тема сиротства пронизывает все творче-

ство Грачева и исключительно важна для его самоидентификации. Со ссылкой на биографические факты прозвучал важный тезис доклада о том, что в его произведениях сиротство – это опыт, который невозможно до конца пережить; так или иначе он накладывает отпечаток на биографию, в том числе на перспективы успеха, создает паттерны отверженности и аутсайдерства. В литературной жизни и в текстах Грачева эти паттерны накладываются на косность советской системы, не терпящей аутсайдеров. Анализируя эти произведения, в первую очередь повесть «Адамчик», докладчик убедительно показала, как судьба Грачева оказывается трагичным вариантом знаковой литературной биографии.

Тому, как опыт сиротства преломлялся в творческом сознании писателя, был посвящен доклад профессора А. А. Житенева (Воронежский государственный университет) «О пластике зримого мира в рассказах Р. Грачева». Исследователь рассмотрел некоторые особенности образности в рассказах Р. Грачева, связанные с переплетением в них элементов реализма и модернизма. Докладчик предложил вниманию слушателей блистательный анализ художественных стратегий писателя. Повествование, по его наблюдениям, неизменно включает в себя смысловые паузы, которые дезориентируют читателя, провоцируют непонимание происходящего, как правило, связанные с изображением стремительного действия, резкой и внезапной перемены в положении героя. В этих же принципах организации повествования докладчик усмотрел и неявное признание неизмеримости субъективного опыта общей мерой. Убежденность в том, что достоверное изображение реальности может быть создано только тогда, когда она преломлена через сознание свидетеля-рассказчика, определяет интерес Р. Грачева к ситуациям, в которых это сознание оказывается в лиминальной ситуации. В ней мир предстает в логике «сдвига»: вещи получают несвойственные им качества, чувственное восприятие предстает как неконтролируемая игра форм и цветов; связи между микро- и макромиром становятся обратимыми. Такая «сюрреалистичность» изображения оказывается одной из наиболее характерных особенностей образного мира прозаика.

Соредактор журнала «Звезда» А. Ю. Арьев (Санкт-Петербург) в докладе «Рид Грачев и Альбер Камю. Поиски антигероя», посвященном памяти

В. Н. Кузьминой, начал важный разговор о традициях в творчестве Грачева и обозначил проблему преемственности в обрисовке героя. Докладчик провел линию эволюции «маленького человека» от пушкинского Евгения из «Медного всадника» к гоголевскому Акакию Акакиевичу и затем к «антигерою» «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского. «Маленький человек» стал трактоваться как «мещанин», с отрицательной коннотацией. «Антигероя» выставляли в жалком свете – даже высокоталантливые писатели, как, например, Ю. Олеша в «Зависти» или В. Маяковский в «Клопе». Но, занимаясь «поисками героя», открыли «антигероя», оказавшегося человеком более одушевленным и мыслящим, чем «герой».

Как точно заметил докладчик, о разладе «между человеком и его жизнью» думает и пишет Рид Грачев, начиная с конца 1950-х, а в 1965-м берет за перевод (точнее, за переложение) «Мифа о Сизифе» Альбера Камю (1913–1960). Чувство абсурда человеческого бытия, утверждавшегося французским писателем, согласуется с его собственными переживаниями едва ли не полностью. Термин «абсурд», точнее, то, что Камю называет «чувством абсурда» («*sentiment d'absurdité*»), Грачев последовательно называет «чувством бессмысленности». «Абсурд» и для Камю, и для Грачева – не итог рассуждений и приобретенного с годами опыта, а априорная данность, подлежащая анализу. В то же время докладчик подчеркнул и принципиальное отличие: персонажи Рида Грачева, когда речь идет о его прозе, никак не пессимисты. Ибо невинны. Хотя живут в абсурдном мире, они ничем в нем кардинально не испорчены. Даже герой с безрадостной кличкой Мясник из рассказа «Ничей брат» в самой последней строчке уходит куда-то в просвет: он «вытер нос и пошел туда, где облака не закрывали солнце!» Грачев, с несомненной отсылкой к повести Камю, называет рассказ, вошедший в его единственную книжечку «Где твой дом» (1967), словом «Посторонний».

В рассказах Рида Грачева сохранен тот «нулевой градус письма», что Ролан Барт выделил в прозе на примере, в том числе, и Камю. Это очень характерное для Грачева письмо, которое не поддается метафорической изощренности и навязыванию персонажам своих эмоций. И здесь докладчик излагает важное наблюдение о том, что это не литературный «подтекст», а подтекст, заставляющий читателя погружаться вглубь текста, подозревать в нем добавочный по сравнению с тем, что говорят слова, смысл. Высказанное и у Камю, и у Грачева всегда меньше подразумеваемого. Это и есть тот второй подтекст, что присущ прозе Грачева. Исначальное отсутствие смысла, абсурд, для Грачева, как и для Камю, – данность, с которой начинается познание. Обоснование у Грачева начинается с доминирующего положения экзистенциализма в изводе Камю: к цели человек не привязан – определение итоговых задач бессмысленно. Сама изначальная данность антитетична, неопределима. Как писали экзистенциалисты французского: человека делает человеком в решающей степени то, о чем он

молчит, нежели то, о чем он рассказывает. Не то же ли самое и у Рида Грачева: его персонажи, к которым вполне применимо понятие «антигерой», вызывают уважение, оставаясь «маленькими» и «беззащитными». Как, например, Мухин в рассказе «Снабсбыт». Таким образом, докладчик, проведя интертекстуальный анализ, в прозе Грачева нашел отсылки к Гоголю, Достоевскому, Камю и др. писателям, в произведения которых вложено чувство, превосходящее сознание.

Литературный критик, философ Б. А. Рогинский из Санкт-Петербурга на примере одного рассказа Рида Грачева «Снабсбыт» рассмотрел целый комплекс проблем, касающихся как творческих особенностей писателя, так и его времени. Докладчик проанализировал литературные традиции, которым следовал Рид Грачев, назвав как ближайший источник – автобиографическую повесть А. Сент-Экзюпери «Военный летчик», так и дальние, ориентированные на память жанра. Было обращено внимание на богатство фабулы, определявшейся целенаправленным движением героя с перспективой возвращения. При этом докладчик охарактеризовал путешествие как приключение духа (сюжет по Л. С. Выготскому) и приключение плоти (фабула по Выготскому). Подробно в докладе были рассмотрены пушкинские аллюзии в лирико-философском сюжете рассказа. «Анчар» был соотнесен с целлюлозно-бумажным комбинатом, аналогом «древа смерти». При этом выступавший отметил включенность грачевского рассказа в соцреалистический контекст, выявив сходные мотивы с советскими производственными романами и романами воспитания. Далее в докладе была развернута экзистенциальная характеристика героя, как бы развернуто иллюстрирующая выводы предыдущего доклада: стадии его страха, стыда, его рефлексия и прозрение. Рассматриваемый рассказ был сопоставлен с другим произведением Грачева – рассказом «Будни Логинова».

С большим одобрением был воспринят доклад старшего преподавателя из Петербурга Н. Е. Щукиной (ЛГУ им. А. С. Пушкина) «Повесть Рида Грачева «Адамчик». Опыт мотивного анализа», ставший логическим продолжением предыдущего сообщения. Исследовательница справедливо отметила, что на сегодняшнем этапе изучения творчества Рида Грачева важной задачей видится возможность воспроизвести целостную картину мира автора. По мнению выступавшей, мотивный анализ повести «Адамчик» – одного из лучших текстов Грачева – позволит найти некоторые доминанты, определяющие особенности построения его художественного мира. Заглавие повести, соотнесенное с эссе Рида Грачева «Гибельный путь Адама», предполагает наличие ветхозаветного подтекста, присутствующего в произведении. В процессе анализа Щукина выделила в тексте мотив изгнания из рая в абсурдный мир. Этот мотив закольцовывает повесть: сцена выталкивания героя из уютного мира автобуса на улицу появляется в начале и в финале произведения. Микросюжет с яблоками (сначала разбросанными на

улице, а затем и с надкушенным яблоком) становится явной отсылкой к библейскому сюжету, осмысленному в современном абсурдном мире. «Первобытная враждебность мира» (цит. из «Мифа о Сизифе» А. Камю в переводе Рида Грачева) становится центральной темой повести.

Вместе с тем, по мнению выступавшей, следует выделить слишком явно предлагаемые автором профанированное сравнение Адамчика со Спасителем, идущим на Голгофу: сцена на станции переливания крови, где выясняется, что кровь заглавного героя повести «всем подходит» (Кровь Нового Завета); и выздоровление Адамчика после сдачи крови на третий день (воскрешение). Познавание истины, лежащее в плоскости выбора пути, выбора между «Старым Богом – человеконенавистником, и новым (Христом)» – человеколюбом, согласно дефиниции в эссе Грачева «Гибельный путь Адама», и составляет тематическую композицию повести «Адамчик».

Как метафора сиротства и одиночества было рассмотрено стихотворение Грачева «Собака я, собака, ничей прибудный пес...» (1962) научным сотрудником О. А. Кузнецовой (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН). Художественную кинантропию исследовательница рассматривает как литературный прием эпохи Нового времени, встречающийся в авторских текстах, где собака является лирическим героем стихотворения, повествование ведется от лица этого животного, или в основе сюжета лежит процесс физической трансформации: превращение собаки в человека или человека в собаку. В качестве контекста «литературного оборотничества» Грачева были привлечены лирические произведения Ш. Бодлера («Славные псы»), Федора Сологуба («Милый бог, моя жизнь – твоя ошибка...»), В. В. Маяковского («Вот так я сделался собакой...») и прозаические Г. Уэлса («Остров доктора Моро»), Дж. Джойса «Улисс» (Эпизод 12: Циклопы), М. Булгакова «Собачье сердце».

К публицистическому жанру обратилась профессор Н. С. Цветова (Санкт-Петербург, СПбГУ). Исследователь подчеркнула, что окончивший журналистское отделение филологического факультета Грачев оставался в круге актуальных проблем времени. Для анализа было выбрано эссе «Значащее отсутствие», транслирующее представления о структуре категории авторства, целостность которой, по Грачеву, с точки зрения исследователя, определяется внутренним ориентиром художника – совестью. Разрушенная целостность картины мира, по мнению выступавшей, для Грачева стала личной и творческой трагедией.

Доктор филологии из Италии Марта Капоссе-ла (Университет Салерно / Università degli Studi di Salerno) в докладе «Рид Грачев и “Эстетика факта”» сообщила о глубоком интересе Рида Грачева к итальянскому кинематографу неореализма, в частности к фильмам Микеланджело Антониони и его «Эстетике факта». Исследовательница проанализировала эссе Грачева: «Эстетика факта у М. Антониони», написанного в 1967 году, где писатель последовательно разбирает фильм Микеланджело Ан-

тониони «Il Grido» (1957). Далее в докладе были приведены примеры, свидетельствующие о переключках поэтики Грачева с эстетикой итальянского кино.

Ведущий научный сотрудник Е. И. Колесникова (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) продолжила говорить о внимании Рида Грачева к западному искусству, которое проявлялось в нескольких аспектах. Во-первых, в поздних рукописных записях имеются многочисленные цитаты из произведений П. Верлена, Ф. Мориака, Э. Ремарка, А. Камю, Э. Хемингуэя и др., и, судя по небольшим неточностям, – написанные по памяти. Это служило писателю своеобразной иллюстрацией собственного настроения и выражением отношения к происходящему вокруг. То есть цитаты служили своеобразным культурным эготекстом. Во-вторых, Грачев работал как переводчик. Докладчик представила неизвестную ранее аннотацию и переведенный им отрывок романа Р. Марля (1908–2004) «Уикенд на южном берегу» («Week-end à Zuudcoote»), которые сохранились в архиве журнала «Нева» (ЦГАЛИ СПб. Р-169. Оп. 2-1. Д. 332) в разделе «Неопубликованные произведения» с датировкой «1960-е годы». В-третьих, сообщалось о неизвестном ранее интересе Грачева к творчеству польского писателя Марека Хласко и его рассказу «Первый шаг в тучах». Было отмечено типологическое сходство его поэтики с прозой Грачева. В-четвертых, исследовательницей были рассмотрены интертекстуальные отсылки рассказа Грачева «Нет голоса», восходящие к картине Э. Мунка «Крик» и фильму М. Антониони «Крик». То есть, по мнению докладчика, отражение времени Грачевым оказалось более близким западному искусству, чем советскому.

Далее последовал крайне важный на начальном этапе изучения творчества Рида Грачева блок докладов, в которых уточнялись факты биографии писателя и его семьи. Так, старший преподаватель из Китая Д. С. Скрипченко (Сианьский университет иностранных языков) по документам из коллекции личных дел Петрограда-Ленинграда ЦГАИПД (ф. № Р-1728, оп. 1-107.), публикации Т. А. Вите [2003], воспоминаниям И. М. Дьяконова [1995] представил уточненную биографию бабушки Лидии Николаевны Вите и матери Рида Грачева Маули Арсеньевны Вите, обозначил их перемещения по стране. Новыми были сведения о прадеде Рида Грачева и его судьбе. Данные сведения не просто углубляют знания о родословной писателя, но помогают понять его характер, среду, в которой он рос, и те ценности, которые были заложены семейным воспитанием.

Большой интерес вызвал доклад учителя истории из г. Коркино Челябинской области А. М. Тонкогласа «“...Я научился тогда любить слово...”: о жизни Р. И. Грачева в эвакуации (1947–1950)». Это был развернутый отклик на запрос сотрудников Рукописного отдела Пушкинского Дома прокомментировать письмо учительницы А. А. Начапкиной к Р. Грачеву, сохранившееся в его архиве. Тонкоглас представил коллегам профессиональные

разыскания из архивов своего региона. Р. И. Грачев, будучи воспитанником детского дома, как свидетельствуют архивные данные, в 1943 году был эвакуирован в село Багаряк Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 2Л. Д. 1243. Л. 206). В 1945 году в городе Коркино был создан детский дом № 2 для ленинградских детей-сирот. Первоначально детский дом размещался в бараке на улице Отвальной, в 1950 году было построено новое двухэтажное здание в центре города на улице Сталина. Приблизительно в 1947 году Грачева переводят в коркинский детский дом № 2. В марте 1948 он учится в 5 классе Коркинской средней школы № 1, где учителем русского языка и литературы работала Начапкина Антонина Алексеевна. В 1967 году Грачев отправил ей бандеролью свою первую книгу «Где твой дом». Антонина Алексеевна в ответ написала ему письмо, в котором вспоминала Рида-ученика, давала оценку его рассказам. Грачев напишет ответное письмо, но не отправит его (РО ИРЛИ. Ф. 930). История о том, как бывший ученик подарил А. А. Начапкиной свою первую книгу, послужила сюжетом для новеллы Б. Суменкова «Бандероль», опубликованной в газете «Горняцкая правда» 2 декабря 1967 года.

Биографические подробности Рида Грачева продолжила освещать Е. С. Левшина в своем докладе «Где твой дом»: о ленинградских адресах Р. И. Грачева». Исследовательница рассказала о малоизвестном ленинградском адресе Грачева – квартире в городе Колпине на ул. Володарского. Жизнь в Колпине нашла отражение в произведениях Грачева – в рассказе-эссе «Черная работа» и двух неоконченных рассказах – «Дары волхвов» и «...Нужно делиться». Благодаря эпистолярным материалам из личного фонда писателя (РО ИРЛИ) удалось узнать его адрес и уточнить хронологические рамки проживания Грачева в Колпине: он точно жил в городе в середине мая 1964 г., а в начале 1966 г. переехал на Корпусную улицу. Докладчиком приводятся выдержки из текстов указанных выше произведений, описывающие те или иные локации в Колпине; они сопровождались визуальным рядом – фотографиями середины 1960-х гг., запечатлевшими дом Грачева, окружавший его городской пейзаж и все те уголки Колпина, которые описываются в рассказах. Значительная часть построек, в том числе дом, в котором жил писатель, сохранились до наших дней, поэтому приводятся и современные снимки. Кроме того, с опорой на тексты произведений, а также городские реалии того времени реконструирован наиболее вероятный маршрут передвижений Грачева от дома на железнодорожную станцию и обратно.

В докладе младшего научного сотрудника Е. С. Левшиной и младшего научного сотрудника В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) «Рид Грачев и Георгий Фридендер: продолжение диалога» шла речь об эпистолярном наследии Рида Грачева, которое составляет внушительную часть личного фонда писателя, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Особое место занимает двусторонняя переписка Р. И. Грачева с литературоведом, будущим академиком Г. М. Фридендером за 1967–1975 гг.

В фонде отложились четыре письма Фридендера и телеграмма, отправленная от имени Фридендера и его супруги – Н. Н. Петруниной; три письма – Грачева, причем последнее письмо – 1975 г. – намеренно не было отправлено. Оно является частью «виртуального» (по выражению В. Н. Кузьминой) спора – продолжением эпистолярного диалога, который прервался в реальной жизни, однако продолжался в сознании Грачева. Вместе с 15-ю письмами писателя к ученому, находящимися в личном фонде Фридендера, указанные послания составляют единый комплекс корреспонденции. Несмотря на достаточно внушительный объем этого комплекса, переписка носит фрагментарный характер. В частности, в фонде Грачева сохранились фрагменты переписки, которые датируются – ориентировочно – июлем 1967 г., временем окончания работы писателя над эссе «Интеллигенции больше нет». Это письмо Фридендера без начала и ответное письмо Грачева – без конца («второй части»). В этих эпистолярных документах – осколки большого философского спора о предназначении человека; попытки двух интеллектуалов доказать друг другу состоятельность собственных построений. Одному из докладчиков посчастливилось обнаружить в букинистическом магазине Петербурга окончание письма Грачева, о котором идет речь. После выступления на конференции письмо (на трех листах писчей бумаги) было передано (пожертвовано) в Рукописный отдел Пушкинского Дома – на вечное хранение, для присоединения к фонду Р. И. Грачева.

Зав. научно-справочным отделом Пушкинского Дома Л. Д. Зародова (Санкт-Петербург) рассказала о формировании фонда Рида Грачева в Рукописном отделе, об истории обретения его рукописей, неразрывно связанной с именем В. Н. Кузьминой, которая сохранила их и передала в дар Пушкинскому Дому. Вторую передачу рукописей, которая состоялась непосредственно перед конференцией, произвела ученица В. Н. Кузьминой Ю. В. Круглова. В результате фонд значительно пополнился. Выступавшая обратилась к присутствовавшим друзьям Кузьминой, современникам Грачева с просьбой передать любые его материалы, имеющиеся у них на руках. Также была представлена выставка из архива Рида Грачева.

23 октября, второе заседание: Время Рида Грачева

Второе заседание представляло литературный контекст, тот историко-эстетический фон, на котором протекало творчество Рида Грачева. На Западе в это время обсуждались знаковые работы М. Фуко и Ж. Деррида. Дружба Рида Грачева с французскими сверстниками и знание языка сделали вероятным знакомство с их идеями. В советской критике это было время дискуссий «реалистов» и «модернистов». В литературе также происходила демократизация проблематики. Так, в военной литературе панорамные романы сменились «лейтенантской» психологической прозой. Широко была представлена «деревенская» и «городская» проза, с ее погружением в бытовую повседнев-

ность. Одновременно существовала неподцензурная литература, которая заявляла о себе группировками, «самиздатом», творческими вечерами. Докладчики продолжили рассуждения о специфике литературы «шестидесятников» – их новаторстве и укорененности в традициях, их оппозиционности и одновременно органической принадлежности своей культуре. В заседании была представлена как общая картина культурной жизни страны, так и ее ленинградская ветвь.

Важную эстетическую линию и пути освоения традиции обозначила в докладе «Влияние Платонова на писателей 1950–1960-х годов: случай Шаламова» ведущий научный сотрудник Н. М. Малыгина (Москва, ИМЛИ РАН), подчеркнув, что в литературной среде 1950–1960-х сохранялась память об А. П. Платонове. Творчество Платонова оказало влияние на роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба». После возвращения в Москву Шаламов общался с писателями, которые знали и помнили Платонова. Благодаря этому Шаламов начал читать произведения Платонова с 1955 г. В докладе приведены впервые выявленные отзывы Шаламова о Платонове и его произведениях.

Сопоставление рассказов Шаламова с прозой Платонова позволило заметить совпадение их ключевых образов и мотивов: образа героя – «артиста лопаты»; образа пролетариев, существующих на грани жизни и смерти; мотива уничтожающего физического труда; мотива превращения человека в материал, мотива жертвенности и обреченности трудящихся; образа инструментов, используемых во время работ; мотива скрежета лопат о камень – «музыки забоя»; мотива изобретения способов экономии физического труда. Установлены три варианта причин совпадения образов и мотивов прозы Платонова и Шаламова. Причина первая – сходство жизненного опыта писателей, принимавших практическое участие в работах, где во многом совпадали условия труда. Причина вторая – обращение писателей к общим литературным источникам. Причина третья – в ряде случаев сходные с платоновскими образы и мотивы создавались в рассказах Шаламова в результате усвоения творческого опыта Платонова. Рассматривались документальная основа произведений Платонова, включение в тексты достоверных деталей процесса труда инженера во время мелиоративных работ в Воронежской губернии; обнаружен реальный прототип образа «общепролетарского дома» в повести «Котлован»: Дом правительства по проекту архитектора Иофана, свидетелем сооружения которого был Платонов. Анализ рассказа «Артист лопаты» в контексте повести «Котлован» показал, что условия труда на строительстве «здания социализма» имели не только черты сходства, но и принципиальные отличия от тех условий, которые были объектом изображения в рассказах Шаламова. Выявлены общие принципы поэтики прозы Платонова и Шаламова, ставшие трендом времени: синтез документальности и художественности; достоверность изображения того, что пережито на

собственном опыте, освоено телесно.

В докладе научного сотрудника Л. В. Герашко (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) «Обзор фонда Ф. Абрамова» прозвучало описание наследия одного из ярких представителей «деревенской» прозы, а также преподавателя филологического факультета ЛГУ им. Жданова, где учился Рид Грачев. Ф. А. Абрамов (1920–1983) был одним из ценителей таланта Грачева, давший ему рекомендацию для вступления в Союз писателей. Исследовательница обрисовала состав рукописей, порядок их поступления в Рукописный отдел Пушкинского Дома, продемонстрировав особенности работы архивиста. Само наследие Ф. Абрамова характеризует тот сплав ленинградской культуры 1960–1970-х годов, где классические традиции, соседствуя с авангардистскими неподцензурными течениями, обрели новое звучание.

Профессор из Норвегии И. А. Спиридонова в докладе «Шукшинский характер» как социально-исторический феномен» продолжила разговор о герое, начатый в первой части конференции. В. М. Шукшин – один из тех художников, кто активировал в современной ему советской литературе категорию души. Заглянув же в глубину запущенного душевного хозяйства современника, с горечью констатировал его ложное идеальное и идейное наполнение, опустошение («Верую!»). Больная душа – вот определение, под которое за малым исключением попадают все персонажи художника. Герой Шукшина предстают в сквозном социально-бытовом конфликте. В рассказах писателя обиженный в одном случае часто становится обидчиком в другом, являет собой «обиженного обидчика» («Штрихи к портрету», «Змеиный яд», «Срезал», «Обида», «Кляуза», др.) Два житейских ролевых полюса, в направлении которых заигрывается современный человек, обозначены писателем определенно и резко – Дурак и Гад. В противостоянии Дурака и Гада Шукшин художественно ярко, резко, честно запечатлел разъятость современного общества, распавшегося на безрассудную доброту и злобствующий разум. В предельном, клиническом состоянии эта человеческая деформация запечатлена в больничном рассказе «Боря». «Кляуза» – предсмертная покаянная исповедь Шукшина. «Опыт документального рассказа» – так обозначил писатель жанр этого произведения, тем самым определив себя в нем не только в качестве автора, но и героя, не только судии, но и подсудимого. Включая себя в число пораженных злом, Шукшин не растворяет свою вину в общей, но делает прямо противоположное – с ужасом и болью осознает свое личное падение во зло. В купе с правдой и народностью ключевым принципом творчества Шукшина является исповедальность, где автор – не только субъект, но и объект, предмет художественного анализа. Вопрос «Что с нами происходит?» проецируется в произведениях Шукшина на автора, героя и читателя. Именно это и порождает феномен «шукшинского характера», выводя последний за пределы указанной автором характерологии или автобиографического подтекста отдель-

ных персонажей в историко-литературный феномен.

Доцент Т. А. Загидулина (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева) в докладе «Трансформация традиционных соцреалистических мифов в творчестве В. М. Шукшина 60-х годов: авиационный миф» также обратилась к типологии героя времени. Разочарование в проекте социалистического реализма в 60-е годы XX века повлияло на формирование новых литературных направлений, одним из которых стал традиционализм, продолживший темы и идеи деревенской прозы. Для текстов, созданных в период «оттепели», характерна рефлексия на соцреалистический канон. Осуждение культа личности И. В. Сталина повлекло за собой отказ от прежних ценностных ориентиров, актуализацию новых типов героев, трансформацию пространственных моделей, постулируемых соцреализмом. В прозе Шукшина «господствует диалог», поэтому образы часто предстают перед читателем через призму взгляда шукшинского героя, далёкого от цельных соцреалистических натур. Игровая поэтика прозы писателя располагает к тому, чтобы взглянуть на советский авиационный дискурс глазами такого героя-маргинала, трикстера, чудака. Образы авиатора, самолета, локус аэропорта подвергаются деконструкции в текстах автора, что служит одним из значимых маркеров разрушения канона в целом.

Профессор Н. В. Ковтун (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева) докладом «Путешествие из "пейзажа" в подполье, или об образе Семиона А. Битова» продолжила разговор о типологии героя у писателя, чей творческий дебют был тесно связан с Грачевым. Их дружба-соперничество из-за разных подходов к цензуре продлилась на десятилетие. Знаковая повесть А. Битова «Человек в пейзаже» построена как сюжет путешествия героя-маргинала по городу-миру, в котором его сопровождают «толмачи»/двойники. Путешествие вписано в широкие смысловые контексты, его скрепляют «пейзажи», созданные в технике стоп-кадра (монастырь, отделение милиции, строительная площадка, квартира). В карнавальной проекции за каждой из картин угадываются черты рая, чистилища и ада. Среди толмачей особое место занимает художник-реставратор, награжденный «апостольским» именем – Павел Петрович, соответствующими функциями: дар пророчества, вознесения, нестяжательство. Если с Павлом Петровичем связан «верх» Мирового Древа/дороги, то «низ» – пространство Семиона, бывшего десантника и наркомана, гениального реставратора икон и копииста. Семион, обитающий в монастырском подвале, темный двойник странника, Другой, с которым и должно встретиться в пути/лабиринте. От этой схватки зависит целостность личности идущего. Двойник угрюм, его сопровождает «зубовный скрежет». Имя Семион в Библии – указание на сына Иакова, отличающегося особой жестокостью. Герой зарабатывает продажей иконных

копий, парадоксально сохраняющих ауру подлинника, как в первобытных ритуалах. Покровительствует Семиону тот же Павел Петрович, что свидетельствует о двуединстве образов, «подпольный человек» в перевернутом мире и признан культурным героем. Мотивы соблазна, зависти к Создателю – общие для персонажей. Образы героев развиваются в широком ассоциативном поле, вбирающем ключевые сюжеты, фигуры русской классики: от Моцарта и Сальери Пушкина, гоголевского Носа до текстов В. Набокова и самого А. Битова. Так испытываются возможности Слова. Задача пишущего – пройти лабиринт, найти точку опоры, откуда эклектичный мир-хаос, предстанет целым, открыв гармонию смыслов в хаосе настоящего. Таким выводом, вписывающим самого автора в «пейзаж» творчества, завершилось выступление.

О пейзаже ленинградской культуры говорил также независимый исследователь И. В. Кузьмичев (Санкт-Петербург). Докладчик обозначил связь поколений, подчеркнув, что ленинградцы всегда отличались тесной спайкой. Этот тезис был развернут на примере нескольких писательских судеб. Поэт Анна Ахматова была ролевой моделью поэтов 1960-х, писатель Давид Дар повлиял на Сергея Довлатова и был связан с рок-средой 1970-х. Тамара Хмельницкая, помогавшая Риду Грачеву в шестидесятые, тридцатью годами раньше опекала другого потерянного автора, Алика Ривина. Таким образом, докладчик раскрыл особую жизнетворческую атмосферу ленинградского андеграунда, берущую начало в эпохе модернизма.

В докладе доцента Ю. М. Валиевой (Санкт-Петербург, СПбГУ) «О формах художественной жизни круга поэтов "Филологической школы"» были рассмотрены наиболее ранние приемы художественной жизни круга поэтов «Филологической школы» — смеховые «действия» на первомайских и ноябрьских демонстрациях в 1952-1956 гг. Художественные акции этого типа не были напрямую связаны с футуристической традицией. Большинство из них были построены на обыгрывании социальной риторики и форм коллективной советской обрядовости. Их материалом были устоявшиеся формы праздничного ритуала государственных праздников — 7 ноября и 1-го Мая: коллективное шествие с транспарантами, с портретами партийных и государственных деятелей; лозунги прославления/восхваления. Был отмечен спонтанный характер данных акций (что отличает их от «коллективных действий» концептуалистов), использование главным образом, пародийных моделей создания комического, приемов «буквализации жеста» и подмены. Перформансы этого типа происходили в публичном пространстве, при этом их успешность/эффектность заключалась в том, чтобы зрители не замечали подмены (семантики жестов, слов лозунга, изображения на портрете). Было обращено внимание на тот факт, что первые действия «Филологической школы» на демонстрациях происходили еще до 1953 г. — в мае и ноябре 1952 г., а также приведены свидетельства участников об эстетическом характере этих «действ», отсутствии

политического подтекста. Прагматика приема подмены, как показало исследование, состоит в данном случае в обнажении самой схемы биполярной модели, лежащей в основе советской риторики.

Разговор о способах саморепрезентации неподцензурного искусства продолжил китайский аспирант Лю Гаочэнь (Санкт-Петербург, СПбГУ) в докладе «Эскапизм или сопротивление: культурные практики самиздатского журнала "Обводного канала"». Речь шла о такой важной площадке для ленинградской неофициальной интеллигенции, как журнал «Обводный канал» (1981–1992). Он предоставлял авторам, не допущенным к официальной печати, возможность выразить себя независимо от социалистических догм. В публикациях ощущалось влияние авангардизма и постмодернизма, а также связь с литературным наследием прошлых поколений, что резко противоречило официальной культуре. Эскапистские черты журнала проявлялись в религиозно-философских поисках, которые позволяли обсуждать запрещенные темы. С другой стороны, «Обводный канал» выполнял функцию культурного сопротивления, борьбу с исторической амнезией. Это выражалось в защите архитектурного наследия и протестах против переименований топонимов, а также обсуждении острых общественно-политических вопросов. Журнал иллюстрирует двойственную природу советского самиздата: он был одновременно пространством для бегства от идеологии и инструментом активного культурного сопротивления.

Заинтересованно был воспринят доклад магистранта Хэнаньского университета М. А. Кучерской (Китай, НИУ ВШЭ) «"Ахматовские сироты": портрет на фоне мифа». Выступавшая поставила вопрос о том, являлась ли четверка Д. Бобышев, И. Бродский, А. Найман и Е. Рейн творческим союзом или же просто группой друзей. Кроме того, на основе до сих пор неизвестных архивных материалов из собрания А. Наймана, хранящихся в библиотеке Принстонского университета, исследовательница коснулась вопроса о том, насколько каждый из них ощущал себя литературным наследником Ахматовой. В стихотворении «Все четверо» (1971) Бобышев назвал четверку ленинградских поэтов «ахматовскими сиротами» и в дальнейшем неоднократно пользовался этим определением. Ахматова именовала четверых молодых поэтов «волшебным хором», «волшебным куполом», «аввакумовцами» и предпочитала видеть в них литературную группу. На материале стихотворений, эссе и интервью четверки Кучерская попыталась ответить на вопрос, как каждый из них относился к «волшебному хору»: осмыслял ли его, в соответствии с желанием Ахматовой, как литературную группу, то есть объединенное общими эстетическими установками сообщество, или же воспринимал исключительно как дружеский кружок.

Разговор о неоднородности поколения «шестидесятников» и мифах, их сопровождавших, продолжила доцент И. В. Ваганова (Санкт-Петербург, РАНХиГС) рассказом о своем интервью

с Б. Ахмадулиной, которая считала преувеличенным единство своих современников. «Набор фамилий поэтов, живших и писавших в одно время – вот что такое "шестидесятники"». Это скорее выдумка критиков, литературоведов. Им так удобно было нас всех под одну гребенку: шестидесятники. На самом деле мы очень разные», – так ответила Белла Ахатовна Ахмадулина на вопрос в интервью, испытывает ли она ностальгию по 1960-м годам. Поэтесса, по мнению докладчика, продекларировала принятие любого времени, которое выпадает на жизнь.

О погруженности литературы «шестидесятников» в традиции продолжила разговор доцент С. А. Петрова (Санкт-Петербург, РАНХиГС) в докладе «"Маленький оркестрик" Б. Окуджавы: опыт интермедиального анализа». Были рассмотрены приемы романтической поэтики Б. Окуджавы (1924–1997), оказавшей большое влияние на современников. Произведение «Маленький оркестрик» (1963) имеет несколько вариантов названий: «Оркестрик маленький надежды», «Песенка о ночной Москве» и есть посвящение Ахмадулиной. Песня была написана в рамках творческого диалога с этой поэтессой – в ответ на её стихотворение «Маленький самолётик». Произведение Окуджавы имеет интермедиальную основу, так как в нём используются семиотические коды разных видов искусств: музыки и слова. Взаимодействие искусств представлено на фонетическом, лексическом уровнях, в рамках системы образов, композиции и концепции в целом. Автор использует звуковые приёмы организации текста, создавая особый интонационный рисунок и мелодику стихотворения. В первой строфе представлены знаки и музыкального, и литературного кода. Во втором куплете подчёркнуто сведение музыкального кода к наименьшей представленности как показатель нарастающего общего кризиса. В третьей строфе все строки заполнены именно музыкальными элементами, показывающими торжество искусства над потрясениями бытия и хаоса жизни. Окуджава также использует интертекстуальные связи с предшественниками – А. П. Чеховым, Л. Н. Толстым и др., что подчёркивает и литературность текста. Таким образом, интермедиальность песни «Маленький оркестрик» Окуджавы становится концептуальной составляющей произведения.

О связи двух периодов русского авангарда в контексте визуальной поэзии сообщалось в докладе петербургского студента П. В. Артемьева (СПбГУ) «Связь двух волн русского авангарда: визуальная поэзия Василия Каменского и Всеволода Некрасова». В качестве основного материала были взяты стихотворения Некрасова разных лет, собранные в авторском сборнике «Справка. Стихи» [Некрасов, 1991] и сборник Каменского «Танго с коровами. Железобетонные поэмы» [Каменский, 1914]. Ставилась цель исследования — выделить и сравнить ключевые особенности визуальной поэзии Каменского и Некрасова, показав развитие авангардных практик письма. Некрасов является участником «Лианозовской школы», одного из

самых значимых сообществ неподцензурной культуры. Экспериментируя с композиционным размещением текста посредством визуальности, поэт добивается «одновременности текста» и его «множественности», нового поэтического языка, противопоставленного официальному, «виновному» языку. Полемика Некрасова с русским футуризмом позволяет сравнить два подхода к визуальному в поэзии первого и второго периода авангарда. В качестве примера футуристической визуальной поэзии был взят сборник Каменского «Танго с ковром. Железобетонные поэмы». Произведения, вошедшие в него, представляли собой стихотворения, написанные с использованием полиграфических экспериментов, являющихся реализацией принципа синтеза искусств.

Способы сохранения эстетической преемственности были рассмотрены в докладе магистранта П. И. Кушнareвой (Санкт-Петербург, СПбГУ) «"Век-волкодав": рецепция поэзии О. Мандельштама в творчестве Р. Мандельштама». Роальд Мандельштам – поэт ленинградского андерграунда 1950-х гг., творчество которого исследователи (Гарипова Г.Т., Новиков Ю., Харитонов З. Г.) и критики (Давыдов Д. М., Кузьминский К. К. и др.) одновременно характеризуют как завершающее Серебряный век и открывающее литературу второй половины XX века. В докладе анализировалось восприятие поэтом предшествующей эпохи, попытки установить с ней диалог и восстановить связи по тем фрагментам (текстам, отдельным цитатам, образам), которые дошли до нового поколения сквозь цензуру и запреты. На примере цитирования Р. Мандельштамом строк из стихотворения О. Мандельштама («За грядущую доблесть грядущих времен...») рассматривается один из способов неофициальной поэзии восстановить связь с утраченной традицией. Докладчик пришла к выводу, что таким образом поэт пересобирает растерявшуюся культуру заново в своих текстах, вглядываясь в нее через мировосприятие человека «грядущего века».

Независимый санкт-петербургский исследователь, много лет изучающая литературные архивы, Е. Л. Куранда представила эпоху 1960-х годов через взгляд Н. Я. Мандельштам. В докладе «Н. Я. Мандельштам в 1960-е годы в архиве В. М. Адмони и Т. И. Сильман (ОР РНБ)», построенном на материалах архива Российской национальной библиотеки, рассматривались письма 1960-1970-х годов, адресаты которых связаны с Н. Я. Мандельштам. На это время приходится ее дружеская близость с Адмони и Сильман. Знакомство этих людей, по-видимому, произошло через Ахматову и М. Петровых в ташкентской эвакуации. Кроме того, Адмони и Сильман связывали дружеские отношения с людьми, в разное время входившими в круг непосредственного общения с О. Э. Мандельштамом и Н. Я. Мандельштам: В. М. Жирмунским, В. Н. Яхонтовым, М. М. Зощенко, Н. Д. Оттенком; с последним связан «тарусский» круг общения Адмони, Сильман и Надежды Яковлевны. Общим их другом была также Фрида Абрамовна Вигдорова, в

свое время зафиксировавшая стенограмму судебного процесса над И. Бродским. В переписке отражены события, важные для понимания литературной и общественной ситуации 1960-х гг.: арест А. Д. Синаевского, скандал с двухтомником «Мастера поэтического перевода» с предисловием Е. Г. Эткинда, постоянное откладывание выхода тома О. Мандельштама в «Библиотеке поэта». Докладчик подводит к мысли, что материалы из архива Адмони и Сильман дают драматическую картину эпохи 1960 – х гг., преломляющуюся в судьбе Н. Я. Мандельштам.

В докладе магистранта М. О. Иванова из Санкт-Петербурга (ЛГУ им. А. С. Пушкина) «"Фронтовики", "эстрадники" и Борис Рыжий. От диалога к самоопределению» была рассмотрена роль послевоенной литературы и, в частности, «шестидесятников», для последующего поколения. Борис Рыжий (1974-2001) жил и работал в эпоху «кризиса перепроизводства текстов» (по Ю. Казарину), для его творческого метода характерно смешение элементов романтизма, модернизма и постмодернизма. Среди особенностей творческой манеры можно отметить интертекстуальность, игру с автором, приём «смешения культурных парадигм», в частности, смешения культурных кодов разных эпох. Фигура лирического героя Рыжего как бы находится вне времени и связывает все веки отечественной поэтической культуры от Державина до своих современников. В круг чтения Б. Рыжего входили два поэта-фронтовика (Б. А. Слуцкий и Д. С. Самойлов), с которыми он вступал в поэтический диалог. Он также «учится» у Слуцкого и фронтовиков говорить от лица всего поколения, сострадав каждому его представителю, говоря одновременно за живых и мёртвых. «Рыжий продлил <...> поэзию милосердия, сострадания» (цит. И. Фаликова). Также от Слуцкого и Самойлова поэт «унаследовал» представление о любой войне как о катастрофе не только для общества, но и для отдельно взятой личности. В биографии поэта также имеет место факт личного знакомство с Е. А. Евтушенко. Рыжий в своём творчестве переосмысляет две культурные доминанты, недавнего прошлого, уходящей советской эпохи, – поэзию «фронтовиков» и поэзию «эстрадников». В своей творческой манере поэт использует эти два культурных кода для описания своей эпохи и окружающей лирического героя блатной среды. Таким образом, культурные коды настоящего и прошлого смешиваются, получая при этом диалектическое развитие. Он выступает против «громкой» поэзия эстрадников в лице Евтушенко, трансформирует образ поэта благодаря гротеску, и в иронической манере предлагает читателю образ своего лирического героя-поэта. Тип представленного лирического героя во время обсуждения доклада был соотнесен с типологией героя Рида Грачева.

Большой интерес вызвал доклад магистранта из Китая У Шивэнь (СПбГУ) «Пропаганда и культура: литература как инструмент государства в Китае и СССР 1960–1970-х годов», расширивший исследовательское поле рассматриваемого периода и

распространивший его за пределы России. В докладе рассматривалось, как литература использовалась в качестве инструмента государственной пропаганды в СССР и Китае в 1960–1970-е годы, период, когда оба государства усилили идеологический контроль над культурой. Были обозначены задачи литературы в деле пропаганды, способы формирования «идеального гражданина», преданного государственным идеалам, а также методы контроля, применяемые для регулирования творческой деятельности писателей. В китайской литературе периода Культурной революции, представленной, например, романом Хаожаня «Золотая дорога», как и в советской официальной литературе, воспевались социалистические ценности. Был продемонстрирован слайд с изображением толпы молодежи, держащей в руках книгу «Цитаты Мао Цзэдуна» – яркий пример маоистской литературы, использовавшейся для воспитания нового поколения в духе маоизма. В заключение делается вывод о том, что литература в СССР и Китае была мощным инструментом воздействия на общественное сознание. Она не только служила средством пропаганды, но и формировала социальные и культурные ориентиры, укрепляя политическую идеологию в обоих обществах.

Магистрант из Китая Цао Минсинь (СПбГУ) конкретизировал наблюдения предыдущего докладчика на примере одного романа. В своем докладе «Образ социализма и традиционное общество в романе Лао Шэ "Чайный дом": сопоставление с советским социалистическим реализмом» Цао Минсинь представил произведение, отражающее социальные и идеологические преобразования в Китае на рубеже XX века. Автор рассмотрел образ социализма в его соотношении с традици-

онным обществом, анализируя ключевые темы конфликта между традицией и новым социалистическим порядком. Приведены примеры, показывающие, как Лао Шэ использует образы чайной Ван Лифа и её героев для демонстрации упадка традиционных норм и болезненности перехода к новому строю. Кроме того, сопоставление романа с советским социалистическим реализмом позволяет раскрыть особенности китайского подхода, в котором сочетаются элементы критического реализма и идеологические аспекты.

Таким образом, конференция представила палитру разнообразных литературных тенденций 1960-1970-х годов, сочетавших официоз с неподцензурной литературой. Большинство выступавших подчеркивали связь творчества Рида Грачева и его современников с предшествующими классическими и модернистскими, русскими и западноевропейскими традициями. При этом были обозначены новаторские черты «второй» литературы, восходящие не только к русской и зарубежной классике, но и ставшие закономерным порождением своего времени и его эстетики. На примере судьбы Грачева докладчики подчеркнули влияние войны на судьбы и творчество поколения «без отцов», которое, в свою очередь, оказало мощное воздействие на последующую литературу. Особое внимание было обращено на синкретичность искусства «шестидесятников», несущего печать авангарда: их произведения сочетали слово, музыку, живопись, графику. В целом рассмотренный период предстал как сложное сочетание органически развивающегося литературного процесса и жесткого государственного контроля. В заключение были высказаны пожелания сделать конференции подобного плана регулярными.

Литература

- Вите, Т. О. Память / Т. О. Вите // Нева. – 2003. – № 11. – С. 186–201.
 Грачев, Р. И. Сочинения / Р. И. Грачев. – СПб. : Издательство журнал «Звезда», 2013а. – 656 с.
 Грачев, Р. И. Письмо заложнику / Р. И. Грачев. – СПб. : Издательство журнал «Звезда», 2013б. – 651 с.
 Дьяконов, И. М. Книга воспоминаний / И. М. Дьяконов. – СПб. : Фонд регионального развития Санкт-Петербурга ; Европейский Дом ; Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 1995. – 770 с.
 Каменский, В. В. Танго с коровами: железобетонные поэмы / В. В. Каменский. – М. : Д. Д. Бурлюк, 1914. – 36 с.
 Некрасов, В. Н. Справка: Стихи / В. Н. Некрасов ; сост. Вс. Некрасов. – М. : Постскрипtum, 1991. – 84 с.

References

- Dyakonov, I. M. (1995). *Kniga vospominanii* [Book of Memories]. Saint Petersburg, Fond regional'nogo razvitiya Sankt-Peterburga, Evropeiskii Dom, Evropeiskii Universitet v Sankt-Peterburge. 770 p.
 Grachev, R. I. (2013b). *Pis'mo zalozhniku* [The Letter to the Hostage]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo zhurnal «Zvezda». 651 p.
 Grachev, R. I. (2013a). *Sochineniya* [Works]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo zhurnal «Zvezda». 656 p.
 Kamensky, V. V. (1914). *Tango s korovami: zhelezobetonnye poemy* [Tango with Cows: Reinforced Concrete Poems]. Moscow, D. D. Burlyuk. 36 p.
 Nekrasov, V. N. (1991). *Spravka: Stikhi* [Reference: Verses]. Moscow, Postskriptum. 84 p.
 Vite, T. O. (2003). *Pamyat'* [The Memory]. In *Neva*. No. 11, pp. 186–201.

Данные об авторе

Колесникова Елена Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

E-mail: ekolesn@mail.ru.

Дата поступления: 26.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Author's information

Kolesnikova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Leading Researcher of Department of Contemporary Literature, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Date of receipt: 26.11.2024; date of publication: 28.12.2024